

Виктория Соколова

*Как я убила
Бога, или
История моего
падения*

Виктория Соколова

**Как я убила Бога, или
История моего падения**

«Издательские решения»

Соколова В.

Как я убила Бога, или История моего падения / В. Соколова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507540-6

Вероника Орлова работает рядовым следователем в обычном УВД. Вся её жизнь заключена в активной борьбе с преступностью, где нет места личной жизни. Героиня считает, что сильная женщина не имеет права на такую слабость, как любовь, которая мешает карьере. Но в её жизни происходит неожиданный поворот, Веронике предстоит расследовать крайне загадочное и запутанное дело, в процессе распутывания которого наша героиня неожиданно для себя влюбляется в своего подозреваемого.

ISBN 978-5-00-507540-6

© Соколова В.
© Издательские решения

Как я убила Бога, или История моего падения

Виктория Соколова

© Виктория Соколова, 2019

ISBN 978-5-0050-7540-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Настенные часы показывали ровно двенадцать. У меня был тяжелый день, а теперь и беспокойная ночь. Я подошла к зеркалу и посмотрела на свое отражение: под впалыми глазами черные круги, измотанная, волосы срочно нуждались в покраске... в свои двадцать восемь лет. Пройдясь из угла в угол по всей комнате, я не нашла ничего лучше, как налить себе стопку коньяка. Приятное тепло растеклось по телу. Самое интересное, что одиночество меня не пугает. Любимая работа заменила мужа, которого никогда не было, и детей. При моем роде деятельности я просто не имею права на любовь и какую-либо привязанность, потому что это делает человека слабым, а я не могу быть слабой. И потом, это отнимает много времени. Вот уже через несколько часов я вновь буду собираться на службу, в свой родной отдел полиции. Для меня это не просто работа, это моя жизнь. Защищать слабых людей и бороться с беззаконием – мой удел.

Сейчас мне необходимо заставить себя немного поспать. Я прилегла на диван, но сон не шел. Перед глазами стояли жертвы насильников, слезы матерей, продажные адвокаты и жулики. Переворачиваясь с боку на бок, я все же уснула.

Будильник прозвонил противной трелью и заставил встать. Прохладные струйки душа слегка приободрили меня. Надев свою серо-синюю форму, я посмотрела на содержимое шкафа: парочка кофт с прошлого года и одни брюки. Да уж! Я невольно улыбнулась: строгая юбка до колен и пиджачок с погонами заменили мне всю мирскую одежду. А зачем мне другие вещи, если я практически живу на работе? Вспомнились бурные студенческие годы... Я всегда красилась ярко, выразительно одевалась и любила компании. Но это уже в прошлом.

Мое пятилетнее пребывание в органах наложило свой отпечаток на стиль и характер. За ароматной чашечкой чая я включила телевизор, где по первому каналу шла бессмертная передача «Доброе утро». Для меня утро никогда не бывает добрым, но гость передачи заставил рассмеяться. Знаменитый целитель Малахов с серьезным и весьма ответственным видом рассказывал о способах лечения геморроя, предлагая вставлять в проблемное место чуть ли не весь овощной ряд. От веселого шоу меня отвлек зазвонивший мобильник. На дисплее высветился номер друга и коллеги по работе:

– Руслан, через пять минут выхожу.

Друг как всегда ждал меня у подъезда, стоял у машины и нервно курил:

– Доброе утро! Начальство звонило; у нас труп. Женщина. Едем вдвоем сразу на место преступления.

Горестно вздохнув, я села в машину. Прекрасное утро! Мой коллега по несчастью тут же завел мотор, и мы выехали.

– Куда едем? – спросила я.

– В центр.

На многочисленных светофорах Руслан не сводил с меня обеспокоенных глаз. Закурив сигарету, я поинтересовалась:

– В чем дело?

– Ника, ты ужасно выглядишь! Тебе необходимо отдохнуть.

Я с иронией посмотрела на него; все было понятно и без слов:

– Ты что-нибудь знаешь про убитую?

– Нет; только одно: со слов начальницы, убийца отличается от других; применил изощренные методы надругательства над жертвой.

Я усмехнулась: значит, просто насиловать и убивать уже не в моде. Я видела много убийц с ангельскими глазами, добрым лицом, из интеллигентных семей, которые вполне успешно создавали видимость здоровых, адекватных и ни в чем не виноватых.

– Очередной висяк... – задумалась я.

– Думаешь, не найдем? – озабоченно спросил Руслан.

– Пока не знаю. Убийцы пошли уж больно хитрые: никаких следов не оставляют, зацепиться за что-либо очень непросто. Всю голову сломаешь. Я что, и правда так ужасно выгляжу?

Друг одарил меня серьезным взглядом и затараторил:

– Ты забыла, что ты женщина, и должна краситься, носить кофточка, платьишки. Муж уже должен быть у тебя и дети. А ты тухнешь в этой форме; у тебя другая одежда вообще имеется?! Не устала быть одна? Молодость свою убиваешь, разгребая всякую грязь, любуясь на конченных уголовников каждый день! Выбиваешь из них правду разными способами, тратя свои нервы, и радуешься. Эта работа не для девушки.

– Меня все устраивает. Я люблю свою работу, – отчеканила я.

– А потом будешь пыль стирать со своих погон! Годы пройдут, и будешь никому не нужна!

– У меня есть мужчина для личных нужд.

Руслан заглушил мотор и насмешливо подвел итог нашей беседе:

– Ты сейчас мужчину сравнила с туалетом. Для нужд! Вот те раз! Выходи. Приехали.

Квартира убитой была довольно просторной и дорого обставленной: шикарная раритетная мебель царских времен, картины в позолоченных оправках, которые выделялись странным для обстановки содержанием – в основном эротическая близость между мужчиной и женщиной в разных позах камасутры, подчинение хозяину китайских наложниц. Мда, однако, своеобразный вкус.

В спальне посередине двуспальной дубовой кровати лежала в неестественной позе жертва. Я подошла ближе и стала с интересом её рассматривать: на вид женщине около 33 лет, ярко выраженная брюнетка; на щеках застывшая кровь, следы которой идут от синих безжизненных губ; голова на боку, стеклянные глаза холодно устремились вдаль; на руках отсутствуют все пальцы, запястья связаны. На первый взгляд следов побоев на теле нет. Я осмотрела комнату: все те же примечательные картины; на тумбочке стоит фото маленькой девочки, наверное, дочери или сестры; ароматические свечи и телефон. Я подошла и посмотрела последние исходящие и входящие вызовы – все номера не определены. На полу разбросано нижнее белье. Пока Руслан общался с оперативниками, я подошла к криминалисту:

– Что вы можете сказать?

Старый опытный эксперт Василий Петрович вздохнул и покачал седой головой:

– Убийство произошло семь-восемь часов назад. Следов борьбы и насилия нет. Преступник действовал весьма аккуратно, никаких улик практически не оставил.

Я сильно удивилась:

– То есть убитая не оказывала сопротивления, и, как я поняла, нет никаких следов изнасилования?

Василий Петрович кивнул:

– Да, это так. Эта женщина умерла, скорее всего, от остановки сердца, но это может подтвердить только вскрытие.

– Убийца – мужчина?

– Вероятно, так как женщина планировала близость: около кровати разбросано эффектное кружевное белье, сама она ярко накрашена. Хотя, может, убитая была и нетрадиционной ориентации, но я сомневаюсь в этом; мои доводы подтверждают окружающие нас эротические картины.

Эксперт подпер кулаком подбородок и задумчиво посмотрел на жертву:

– Привлекательная женщина в самом расцвете лет. Никаких ссадин, синяков, следов удушья и ран на теле – за исключением того, что ей вырвали язык и отрубили пальцы. Запястья связали, когда она была уже мертва. Если бы ее отравили, у нее был бы совершенно другой оттенок лица спустя такое время. Поэтому мои предположения таковы: это остановка сердца. Но вот что этому способствовало? Пока загадка. Совершенно определенно действовал мужчина с очень нездоровой психикой, и эта женщина хорошо его знала, доверяла ему. Я ещё более подробно исследую квартиру убитой на предмет улики; может быть, найду что-нибудь интересное, ведь я только начал работать.

Я благодарно пожала криминалисту руку:

– Василий Петрович, вы – профессионал своего дела! Я в вас никогда не сомневалась. До связи!

– Хорошо, Вероника Андреевна.

Собираясь уже выходить из спальни, я вдруг обратила внимание на белое пятнышко возле кровати. Я подошла, чтобы его рассмотреть, и опустилась на корточки:

– Василий Петрович, подойдите!

На полу был рассыпан белый порошок.

– Может, героин?

Криминалист аккуратно ссыпал порошок в прозрачный пакетик:

– Экспертиза покажет.

С Русланом мы встретились уже около машины и вместе поехали в отдел. Мне срочно требовалось кофе, голова отказывалась работать. Черт, еще одно убийство извращенного характера. Какие цели преследовал преступник, вырывая ей язык и отрубая пальцы? Но самое интересное – нет следов интимной близости. То есть простое надругательство над телом. Почему именно язык и пальцы? В каких отношениях состояла убитая и этот Чикатило? Явно не первый день знакомы, нет следов борьбы и вообще побоев...

Мои размышления прервал Руслан:

– О чем задумалась? Об этом чокнутом надругателе?

Я кивнула и закурила.

– Оперативники пробежались по соседям, – продолжил коллега. – В основном все бабули. В эту ночь ничего подозрительного не слышали и не видели. Любовников убитая имела много, жила одна. Есть дочь, зовут Марта, пять лет. Самой жертве было тридцать два года. Алексеева Кира Сергеевна, нигде не работала. По словам бабуль, Киру обеспечивали мужчины, и, видно, хорошо обеспечивали, так как она является собственницей квартиры. Алексеева три года как лишена родительских прав за рукоприкладство по отношению к ребенку. Ее дочь сейчас проживает с бабушкой.

– Мне нужно пообщаться с матерью Киры. Есть координаты?

Друг достал из кармана блокнот и помахал им:

– Записная книжка Киры. Вдруг найдешь что-то полезное.

Я взяла ее и поблагодарила:

– Спасибо, что обратил внимание на важную деталь. Необходимо сделать детализацию звонков с телефона Киры за последние сутки.

– Хорошо, без проблем.

– Кстати, кто Киру обнаружил?

– Соседка. Дверь квартиры убитой была приоткрыта.

Жизнь отдела уже кипела вовсю. Дознаватели и участковые курили в закутке, весело обсуждая события последних гулянок. Оперативники активно флиртовали с молоденькими инспекторшами. Не отдел полиции, а бордель какой-то, отметила я, саркастически усмехаясь.

Дежурный встретил меня как всегда радушной улыбкой:

– Доброе утро, Вероника Андреевна!

Я взяла ключ от кабинета и ответила:

– Если его можно назвать добрым...

Мое внимание привлекла клетка-обезьянник и ее содержимое: в ней явно нетрезвый молодой гражданин активно барабанил по железным прутьям, прося свободы.

– А это ещё кто?

– По хулиганке задержан.

– Его оформили?

– Нет.

– Так... – разозлилась я. – Где мои горе-подчиненные Агафонов с Лаптевым, эти двое из ларца?

– Как всегда опаздывают.

– Они дождутся! Закрою их в подсобке на недельку без воды и пищи! Тогда узнают! Как появятся, передай им, что выговор обеспечен. Пусть немедленно кто-нибудь из них займется задержанным. Проверю.

Дежурный уже невесело подмигнул мне:

– Хорошо, передам. Вижу, настроение ваше уже испорчено... Там делегация сидит из престарелых дам, как всегда к вам за правосудием.

Я закатила глаза и горестно вздохнула:

– Как будто мне заняться больше нечем! Кошмар какой-то! Каждое утро одно и то же. У кого унитаза сперли, у кого молоко, кого НЛЮ толпой изнасиловало.

Мой собеседник не удержался и рассмеялся, но мне было не до смеха. Бабули дружной армией восседали около моего кабинета, что-то обсуждая на весь коридор. Я остановилась перед ними и посчитала: ровно семь сегодня пришло. Вчера было восемь. Прогресс!

– Здравствуйте, уважаемые вы мои!

– Здравия вам, Вероника Андреевна, – ответили они хором.

– Через пять минут заходите по одной!

– Хорошо, хорошо.

Я зашла в кабинет; положив портфель, села за стол и с ужасом на него посмотрела. За огромной стопкой протоколов мне свободно можно спрятаться. И всё это бытовые убийства, кражи со взломом и изнасилования. С каждым днем их становилось всё больше и больше. Что творится у меня на районе? Я всё расчищаю, исправляю, но они, как назло, всё больше начинают убивать и грабить. Помимо этого нужно еще проследить за общей статистикой и работой подчиненных. Как же тяжело быть исполняющей обязанности заместителя начальника отдела! Как только я заварила себе кофе, в кабинет осторожно заглянула бабулька:

– Можно?

Я кивнула и указала на стул напротив моего стола:

– Проходите, присаживайтесь и рассказывайте, что у вас на этот раз произошло.

Бабушка уже была хорошо мне знакома. И вот Елизавета Михайловна, подняв вверх указательный палец, красноречиво начала:

– Это безобразие какое-то! У меня украли ванну! Ночью! Вы представляете, когда я спала. Утром проснулась, а ванны нет.

Я с иронией посмотрела на бабулю:

– Елизавета Михайловна, помните, в прошлый раз вы ко мне пришли и написали заявление по поводу кражи унитаза.

– Конечно, помню! Я целую неделю к соседям по нужде бегала.

– Ну вот, а оказалось, что просто ваша дочь меняла старый унитаз на новый. А вы забыли. Старушка настырно покачала головой:

– Нет, на этот раз все иначе. Дочь не собиралась покупать мне новую ванну.

Я сделала доброжелательный вид:

– Хорошо, пишите заявление. Мы разберемся.

– Да уж, разберитесь, пожалуйста. Как страшно жить! Соседи и так уже на меня косо смотрят, скоро пускать не будут.

Пока бабуля усердно строчила заявление, наконец появился Руслан и присел за свой рабочий стол.

– Где ты был? – спросила я.

– У начальницы, она меня перехватила. Кстати, она хочет, чтобы ты к ней зашла.

– Когда?

– Чем скорее, тем лучше.

– Это по поводу нового убийства?

– Думаю, да.

Я поднялась и направилась к двери:

– Замечательно; значит, ты пока обслужишь остальных милых бабушек и примешь от Елизаветы Михайловны заявление.

Руслан с мольбой в глазах посмотрел на меня, но я злорадно улыбнулась, подмигнула ему и направилась к начальству.

Я постучала и зашла в кабинет начальницы. Маргарита Валерьевна была явно не в духе и нервно тарабанила пальцами по столу:

– Дело приняло серьёзный оборот. Звонили из главного управления; там переживают, что одной жертвой всё не закончится. А ты представляешь, что будет? У людей начнется паника, они перестанут выходить на улицу. Пресса и телевидение уже влезли. Интересно, кто их информирует; мне кажется, кто-то из наших. Узнаю – накажу как следует.

Я понимающе на нее посмотрела:

– Да, неприятно это всё, да и не вовремя.

Начальница достала из стола коньяк и две стопки. В свои сорок пять лет она уже дослужилась до звания подполковника. Маргарита Валерьевна – профессионал своего дела, обладающий острым и быстрым умом; в своё время раскрывала самые запутанные преступления. Эта женщина заслуживает уважения.

Мы одновременно, не чокаясь, осушили две стопки, закусив лимоном, и она продолжила:

– Я хочу, чтобы ты занялась этим делом.

– Я?!

– Ну а кто же?! Ты – мой заместитель. А дело серьёзное, – подполковник нахмурила брови. – Может, ты предлагаешь поручить это твоим подчиненным? Может, дурачку Антону Агафонову, который утопление от утопии отличить не может?! Или, может, его дружку – Семену Лаптеву? В его кабинете в рабочее время происходят возмутительные вещи, приводит подруг и неизвестно чем занимается. Посиделки устраивает. А помнишь, как в последний раз Лаптев поздравил меня с днем рождения? А? Он в моем кабинете салют запустил! Я думала, конец света наступил. Началась натуральная бомбёжка со вспышками, еще и дверь заклинило. Я еле живая осталась, чуть весь отдел не взорвал. Террорист чёртов! Уволить бы их всех к ядрене фене, да не могу, работать некому. А люди не дураки, чтобы сюда работать идти, поэтому клоунов и держим.

Я вспомнила события юбилея начальницы и невольно улыбнулась. Это нужно было видеть! Мы с Русланом в тот день как раз направлялись с тортиком к кабинету Маргариты Валерьевны. Сначала мы почувствовали едкий запах дыма, затем услышали резкие громкие хлопки, щелчки и крики. Когда до двери оставался метр, она с грохотом упала, следом за ней вырвалась Маргарита Валерьевна и отлетела к стене. Из её кабинета валил густой дым. Вид у именинницы был до смешного ужасен – волосы дыбом, лицо всё в серых пятнах, бешено-красные округленные глаза и форма в дырочку.

Следом за ней выполз Лаптев:

– Прости... те моеёня, Маргаритка Валерьевна... Я хотел устроить вам праздник, – задыхаясь, произнес он, подползая к ее ногам.

Начальница раздраженно пнула его ногой:

– Устроил праздник! Кретин! Уволю к чёртовой матушке!

За этой картиной наблюдал весь отдел, а потом все дружно – украдкой от начальницы – еще долго шутили и смеялись.

Маргарита Валерьевна вернула меня в реальность:

– С этого дня ты занимаешься только этим делом. И чем скорее ты его раскроешь, тем лучше. Иначе главк съест меня, а я съем всех вас – следователей. Я понятно объясняю?

– Более чем. А почему не Руслан? Он тоже вроде неплохо работает...

– Дело непростое, Руслан не справится.

Я встала и произнесла:

– Хорошо, постараюсь сделать всё возможное.

– И невозможное, – добавила подполковник. – И еще: не забудь, в конце месяца нужно будет предоставить отчет по раскрываемости, так что хорошенько потряси Агафонова с Лаптевым.

– Я поняла.

Около моего кабинета сидела последняя бабулька и ждала своего звёздного часа. Я собиралась войти, но тут меня окликнул дежурный:

– Вероника Андреевна! С вами хочет поговорить одна женщина.

– Кто она?

– Представилась матерью убитой Киры Алексеевой.

Я направилась в дежурку. Там сидела седовласая женщина зрелого возраста с беспокойным и полным скорби лицом. Идти в мой кабинет не было смысла – необходим был разговор наедине. Я взяла у дежурного бокал, графин с водой и ключи от допросной комнаты.

Мы зашли и сели друг напротив друга. Женщину сильно трясло, ее глаза опухли от слез. Я налила ей воды и постаралась немного успокоить:

– Выпейте, пожалуйста.

Женщина выпила стакан воды и слегка успокоилась:

– Вы будете вести дело об убийстве моей дочери?

– Я. Как к вам обращаться?

– Нина Антоновна.

– Вероника Андреевна.

– Я знаю, мне ваша начальница сказала совсем недавно. Подозреваемые уже есть?

– Пока нет. Дело непростое, и я только сегодня взялась за него. Убийство было совершено этой ночью.

Нина Антоновна понимающе кивнула и начала рассказ:

– Кира с самого детства была проблемным ребенком. Постоянно хулиганила, подруг практически не было, одни мальчики с самой песочницы. Семья у нас небогатая. Кира – единственный ребенок. Муж всю жизнь на заводе проработал, и я там же уборщицей. Денег вечно не хватало. Но мы с супругом очень дочь любили, никогда не обижали, она всегда у нас чистая

и опрятная была. Но Киру это не устраивало – она любила ярко и дорого одеваться, мы не могли себе этого позволить. С пятнадцати лет дочь перестала ночевать дома и забросила школу. Стала появляться в элитных вещах, на вопросы не отвечала. Мы с мужем и с учителями общались, и к психологу Киру водили. Но всё было бесполезно. Кира постоянно подъезжала к дому на разных дорогих машинах. Один раз мы её закрыли и не выпустили из дома; так потом, после жуткого скандала, она тайком собрала вещи и ушла. Искали её, искали... Потом сама позвонила и сказала, что всё у нее хорошо, чтобы мы с отцом не лезли в её жизнь, и что в нас она больше не нуждается. Вот мы и созванивались изредка. Жива, здорова – ну и хорошо. Потом до нас дошли слухи, что Кира сошлась с каким-то наркоманом и ждет от него ребенка. У мужа и так сердце слабое было, но это известие его добило, и он умер. Кира даже на похороны не приехала. Прошло уже много времени, дочь так и не показывала родившуюся внучку. Но однажды мне позвонили из социальной службы, и женщина сказала, что Киру лишают родительских прав за грубое обращение с ребенком. Я, конечно, согласилась взять опеку над внучкой. Когда я увидела Марту, то пришла в ужас. Она была очень истощена, вся в ссадинах и синяках. Как так можно было обращаться с ребенком? Откуда такая жестокость? Мы с моим мужем никогда даже пальцем не тронули Киру, несмотря на все её выходки. Стали мы жить с Мартой вдвоем; я её определила в детский садик, а сама работаю. Кира за три года всего лишь несколько раз позвонила, и всё. А тут сегодня утром включила телевизор, а на экране фотография моей дочери, и говорят про зверское убийство.

Женщина разрыдалась и забилась в конвульсиях. Я подошла к ней и стала вытирать слезы:

– Убийца вашей дочери обязательно найдется и будет наказан. Вы вообще ничего не знаете о круге общения Киры?

– Практически нет.

Я отошла к окну допросной, открыла его и закурила:

– А где сожитель Киры, не знаете?

– Умер от передозировки. Собаке собачья смерть! – в негодовании вскрикнула Нина Антоновна.

– У вас остался телефон женщины из социальной службы?

– Да, естественно, мы с ней регулярно общаемся. Знаете, я кое-что вспомнила; возможно, вас это заинтересует. Кира как-то мне звонила выпившая и сказала, что ей очень плохо, и она хочет пойти на прием к профессиональному психологу.

– А куда и к кому, она не уточнила?

– Нет.

– Если вы вдруг что-то вспомните, обязательно мне позвоните. У вас есть листок и ручка? Оставьте мне свой контактный телефон и данные женщины из социальной службы.

Мы обменялись с женщиной контактами, и вскоре я ее проводила.

Мой кабинет был пуст: Руслан, видимо, перевыполнил норму работы и теперь решил передохнуть. Перед глазами лежал листок с данными социальной работницы и записная книга Киры. Недолго думая, я набрала номер социальной службы; после долгих гудков я услышала басистый женский голос:

– Алло!

– Здравствуйте, это социальная служба?

– Да, кто беспокоит?

– Вам звонит Орлова Вероника Андреевна, следственный отдел.

– Господи! Что произошло? – спросила встревоженно женщина.

– Мне необходимо пообщаться с Мартыновой Яной Павловной; она занималась Алексеевой Кирией Сергеевной и её дочкой три года назад.

– Да, конечно, – участливо ответила собеседница. – Это я.

- Хорошо. Вы не могли бы сегодня подъехать ко мне в отдел?
- Да, назовите адрес, и я приеду.

Я продиктовала адрес и в ожидании Мартыновой стала изучать записную книгу Киры. В ней в основном числились мужчины, их адреса и номера телефонов, но я надеялась найти психолога. А вдруг Кира и правда посетила его? Психологи ведь как личные дневники – хранят много интересного. А у убитой было много психических отклонений, судя по домашнему интерьеру и самому характеру её убийства. И вот бинго! На последней странице значилось: Вольский Савелий Александрович, психолог, далее указан его номер и адрес. Я решила набрать; как ни странно, ответили сразу:

- Вольский, слушаю.
- Здравствуйте, вас беспокоит следователь Орлова.

После паузы послышался ответ:

- Чем обязан?
- Вы психолог, верно?

– Вы нуждаетесь в помощи? Сразу хочу вас предупредить: за полицейских не берусь; это небольшое исключение в моей практике, вы – неизлечимы.

Подобного хамства в свой адрес я ещё не слышала, но всё же сдержала себя и достаточно спокойно хотела продолжить разговор:

- Вас посещала Алексеева Кира Сергеевна?

– Это информация частного характера! Вы с ума сошли, такое спрашивать по телефону?! Меня много кто посещает! – услышала я сердитый ответ.

- Киру Алексееву убили.

Равнодушный голос с ноткой сарказма на другом конце провода холодно произнес:

- Каждому отмерен свой срок. Я ей сочувствую. Что-то еще? Просто вы меня отвлекаете. Моё терпение лопнуло:

– В вас нет ни капли сочувствия. Я вас не знаю, но уверена, что вам не стоит работать психологом. Как вы помогаете людям, если сами нуждаетесь в помощи?!

- Вы можете мне помочь?

Я немного растерялась:

- В смысле?

В трубке послышалось частое, прерывистое и громкое дыхание – видимо, Вольский еле сдерживался от смеха:

– Видите ли, уважаемая Орлова, от женщин я принимаю лечение только одного плана, и то если они в моем вкусе.

- Какого плана?

– Я понимаю, вы хотели бы мне помочь... – слышалась уже явная ирония, – но, боюсь, вы *уже* не в моем вкусе. Прощайте!

Послышались гудки. Вот стервятник этот Вольский! Вздумал надо мной издеваться! Интересно, с ним вообще можно говорить о серьёзных вещах? Станный какой-то психолог. Может, он и не психолог вообще! Завтра сама к нему поеду и проверю, заодно и преподам урок вежливости.

Раздался стук в дверь.

- Да, да, – ответила я.

В кабинет зашла зрелых лет тучная женщина с «гнездом» на голове:

- К вам можно? Вы Вероника Андреевна?

- Да. А вы Яна Павловна?

Женщина кивнула, я предложила ей присесть напротив меня.

– Вы по поводу Алексеевой? Слышала про ее убийство; хоть и непутевая мать была, да все равно жалко.

– Что вы можете рассказать про Киру? В каких условиях она жила?

– Я осуществляла за ней контроль три года. Первыми на Киру мне пожаловались соседи, что ребенок у неё грязный и постоянно плачет. Я после этих жалоб сразу к Кире приехала и оценила обстановку: квартира хорошая, просторная, очень дорогая, условия для проживания ребенка в принципе неплохие. Сама Кира была трезвой и адекватной, только вот дочка её, Марта – зашуганная, на теле синяки и ссадины, на мои вопросы не отвечает. Кира всё это объяснила тем, что Марта очень рассеянный и своеобразный ребенок, немного отсталый, поэтому периодически сама падает и замыкается в себе. Я в это слабо поверила, но мама девочки меня убедила, что занимается её проблемами. В целом ребенок одет хорошо и питается неплохо; сразу видно было, что у Киры хороший доход. Отца Марты дома не было; Кира сказала, что он на работе. Я стала навещать Алексеевых два-три раза в месяц. С самого начала всё было со странностями: например, я так и не познакомилась с папой девочки; думала, всякое бывает, все люди работают. Но как-то раз я вновь пришла к Алексеевой, чтобы удостовериться, что все хорошо. Дверь квартиры была открыта, я зашла и увидела такое... Мне ужасно неловко вам об этом говорить.

– Расскажите подробно, что вы увидели, – настояла я.

– Алексеева на кухне с несколькими мужчинами устроила половой акт; переплелись, как змеи, все стонут как сумасшедшие. Кира била мужчин плеткой и громко кричала на них. Мужчины, если можно их так назвать, по очереди совокуплялись с Кирой и ласкали ее. А Марта сидела, прикованная к батарее, и за всем этим наблюдала со слезами на глазах. Я чуть в обморок не упала! Такой скандал этой распутной устроила! Зато столько времени меня за нос водила, примерную из себя строила! Да таких сажать надо! Я и хотела ее посадить, только вот Нина Антоновна – мать Киры – уговорила этого не делать и внучку себе забрала. Хорошая женщина. Теперь моё сердце за ребенка спокойно.

– С сожителем Киры вы так и не познакомились?

– Нет. Соседи по лестничной клетке говорили, что он наркоман, но я не верила, потому что Кира очень хорошо убеждала в обратном, за нос водила. С виду обеспеченная и порядочная женщина.

– Хорошо; сейчас всё рассказанное вы изложите на бумаге и подпишете, – я дала Мартыновой листок и ручку.

Мои предположения полностью подтвердились – Кира была сексуально озабоченной. Только всё это у неё переросло в очень тяжелую форму: унижение и подчинение себе мужчин, хроническая ненасытность; боль других ей доставляла удовольствие. А самое интересное, что за Кириными извращениями должен был обязательно кто-нибудь наблюдать со стороны, не принимая участия, пусть даже и ребенок. Так, убитая самоутверждалась, совершенно не думая о том, что калечит детскую психику. Поэтому Кира и причиняла боль девочке – та не хотела наблюдать за мамой.

Мартынова уже подписывала свои показания:

– Как страшно жить!

– И не говорите, – согласилась я.

Как только я закрыла дверь за собеседницей, зазвенел мобильник; на дисплее высветился номер моего любовника.

– Да.

– Привет, Ника. Какие планы на вечер?

– Пока не знаю. Работы много. Скорее всего, сегодня не получится встретиться.

– Когда будешь дома?

У Стаса был дар мгновенно приводить меня в бешенство:

– Я же сказала, что у меня куча работы! Мне не до тебя!

– Я хочу приехать.

– Стас!!!

– Буду в 10 у тебя. До встречи, детка.

Я хотела послать его куда подальше, но он уже положил трубку.

Со Стасом мы спим уже несколько лет. Просто спим, и всё. Секс без обязательств. Но в последнее время он мне порядком надоел. Женился бы скорее и отстал от меня. Видный, высокий мужчина, свой бизнес... В принципе, что еще женщине нужно? Но только не мне и не для меня.

Я вновь открыла записную книжку Киры и начала листать ее в поиске более примечательных персон. Жирным курсивом было выделено несколько мужчин – вот на них я и заострила внимание, но обзванивать больше не стала, а решила сразу навестить по домашним адресам.

Начать сегодня решила с Романцева Олега Викторовича, который находился ближе всех ко мне. А других, менее «избранных» мужчин из блокнота, повешу на оперов, пусть пробьют на всякий случай.

В комнате оперативников царил как всегда одна и та же атмосфера: кто-то резался в компьютерные игры, кто-то в карты, кто-то слушал музыку. Они даже не заметили моего присутствия. Пришлось громко крикнуть:

– Привет, бойцы!

Все дружно подняли головы в мою сторону:

– О, Орлова, здарОва! Какими судьбами?

Я кинула одному из них на стол блокнот Киры:

– Нужно пообщаться с людьми из этого интересного блокнота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.